

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46

Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны

Д.В. Стрельцов

Аннотация. Распространённые в японском обществе антипатия и низкий уровень доверия к современной России обусловлены особенностями преподавания истории в Японии и риторикой средств массовой информации, которые оказывали воздействие на несколько послевоенных поколений граждан страны. Автор рассматривает основные факторы, сформировавшие негативный образ СССР в Японии, включая травматическую историческую память о Второй мировой войне, проблемы рыболовства в советско-японских отношениях, неудачные попытки СССР с опорой на левые и коммунистические силы влиять на японское общественное мнение, различные «шпионские скандалы» и иные инциденты холодной войны, а также советское военное строительство на Дальнем Востоке, которое воспринималось в Японии с изрядной долей алармизма.

Ключевые слова: образ СССР, японское общественное мнение, холодная война, японские военнопленные, советская военная угроза, «шпионские скандалы», северные территории.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142П).

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 32–46. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46

Factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War

D.V. Streltsov

Abstract. The attitude in Japan towards contemporary Russia is characterized by a lack of sympathy and a low level of trust. These representations are the product of historical education, as well as the mass media, which had an impact on several post-war generations of the Japanese. The article examines the main factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War, including the traumatic historical memory of World War II, the problems of fishing between the two countries, the unsuccessful attempts of the USSR to rely on leftist and communist forces to ensure its influence on the Japanese public opinion,

various “spy scandals” and other incidents of the Cold War, as well as Soviet military construction in the Far East, which was perceived in Japan with a fair share of alarmism.

Keywords: the image of the USSR, Japanese public opinion, the Cold War, Japanese PoW, the Soviet military threat, “spy scandals”, Northern territories.

Author: Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00142П).

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

For citation: Streltsov D.V. (2022). Faktory negativnogo obraza SSSR v Yaponii v period holodnoy voyny [Factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 32–46. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46

Многолетние опросы общественного мнения в Японии показывают неизменно низкий уровень доверия к России, которая наряду с КНДР вызывает среди основной массы японцев наименьшую расположенность. В период с 1978 по 2015 г. от 75 до 90 % граждан этой страны относились к СССР/России «без симпатии» [Чугров: 56]. По данным исследования общественного мнения, проведённого в сентябре 2021 г. по заказу Канцелярии кабинета министров, выяснилось, что именно так воспринимают наше государство 86,4 % граждан Японии¹. При этом события на Украине почти не повлияли на образ России – он остаётся практически таким же мрачным и малопривлекательным, как и ранее. На этом фоне можно предположить, что отношение к нашей стране определяется не столько отражением текущих событий в японских медиа, сколько стойкими, стереотипизированными представлениями о ней. Такие клише укреплялись в японском социуме на протяжении жизни нескольких поколений и продолжают влиять на массовое восприятие России.

Образ СССР в послевоенный период был крайне отрицательным, вплоть до того, что в академической литературе по проблемам международных взаимодействий сложилось представление о «нормальности» плохих отношений между странами.

Цель настоящей статьи – показать, как складывалось восприятие проблем исторического прошлого в двусторонних связях СССР/России и Японии на уровне массового сознания и как оно воздействовало на образ нашей страны в период холодной войны. Данный период взят неслучайно – именно тогда представление об СССР сформировалось у того поколения японцев, из которого вышел нынешний политический класс страны. Родившиеся и воспитанные в период биполярного противостояния, они продолжают руководствоваться теми догмами и стереотипами, которые превалировали в их молодые годы.

¹ 世論調査 令和3年度 外交に関する世論調査 (Сэрон тэса. Рэйва 3-нэн. Гайко-ни кансуру сэрон тэса : [Опрос общественного мнения. 2021 г. Опрос по вопросам дипломатии]). URL: <https://survey.gov-online.go.jp/r03/r03-gaiko/2-1.html> (дата обращения: 15.05.2022).

Память о минувшей войне и вопросы послевоенного урегулирования

Следует сказать, что недоверие к Советскому Союзу было основано на традиции восприятия СССР/России через призму «российской агрессивности». В рамках образовательного процесса страна преподносилась в основном как агрессивное, экспансионистское государство, постоянно замышляющее нападение на соседей (Японию в том числе). Школьникам рассказывали об «угрозе с Севера» и территориальных посягательствах России в отношении Японии в XVIII–XIX вв., о жёстком соперничестве стран в Корее и Маньчжурии и войне 1904–1905 гг., о «красной угрозе» и подрывной деятельности Коминтерна в Японии в 1920–1930-х гг., о пограничных столкновениях с СССР на озере Хасан и Халхин-голе в 1930-х гг., о скоротечной войне августа 1945 г., завершившейся полным разгромом Квантунской армии.

Особое место в этом ряду исторических знаний занимают события советско-японской войны 1945 г., которые воспринимаются в Японии с чувством неотмщённой обиды за допущенную, по мнению её граждан, вопиющую несправедливость. Наиболее сильные эмоции вызывают несколько моментов, связанных с войной.

Во-первых, Советский Союз объявил войну Японии всего за шесть дней до окончания Второй мировой войны², нарушив действующий на тот момент Пакт о нейтралитете от 12 апреля 1941 г. В связи с этим действия Москвы воспринимаются исключительно как акт вероломства, а не как исполнение союзнических обязательств, позволившее существенно ускорить окончание Второй мировой войны и избавить японский народ от многочисленных жертв, которые он понёс бы, продолжив бессмысленное сопротивление. В Японии не слишком хорошо известно, что обязательства СССР по Уставу ООН, касающиеся действий, направленных на скорейшее завершение войны, вступали в силу немедленно после подписания Устава в апреле 1945 г. и имели преимущество по отношению к Пакту о нейтралитете.

К тому же многие в Японии не считали СССР, в отличие от США, в полной мере «победившей державой»: японцы считают, что воевали с американцами, а не с «русскими», которые вступили в войну на самом последнем её этапе, тем не менее в полной мере воспользовались всеми плодами победы.

Во-вторых, СССР продолжал войну в течение двух недель после 15 августа 1945 г., т.е. после официально объявленной капитуляции Японии. Это, в представлении её граждан, позволило ему оккупировать не только Южный Сахалин и Курильские острова, но и часть примыкающих к Хоккайдо островов, которые впоследствии были названы «северными территориями». В сознании большинства японцев закрепился штамп – СССР, пользуясь военным поражением Японии, действовал как «вор на пожаре» и присоединил к себе её исконные земли.

Кроме того, в 1960 г. СССР отказался выполнять данное им же ранее обещание, зафиксированное в Совместной декларации 1956 г., – передать Японии два острова Южных Курил (Шикотан и Хабомаи), обусловив это выводом с территории Японии иностранных войск, т.е. американских военных баз, размещённых в стране в соответствии с японо-американским Договором безопасности. Японцы любят напоминать, что США в 1972 г.

² В Японии этой датой считают 15 августа 1945 г., когда император Хирохито в радиоэфире выступил с заявлением об окончании войны.

вернули Японии архипелаг Рюкю, а СССР оставил Южные Курилы за собой. Вокруг проблемы «северных территорий»³ в японском обществе сформировалась враждебная по отношению к Москве эмоционально-психологическая атмосфера, ставшая важнейшей причиной плохих политических отношений между двумя странами после 1960 г. вплоть до конца холодной войны. Стоит отметить, что претензии Токио на «северные территории» поддержало подавляющее большинство японцев, включая сторонников социалистов и коммунистов, т.е. те силы, на которые Советский Союз опирался при развёртывании своей политической пропаганды внутри Японии.

Особенно активно антисоветская кампания проводилась с начала 1980-х гг. В январе 1981 г. кабинет Судзуки провозгласил 7 февраля Днём «северных территорий», добиваясь как внутренней, так и международной поддержки территориальных претензий правительства. Политическое значение этой даты заключалось в том, что 7 февраля 1955 г. Россия и Япония заключили первый договор о границе, по которому четыре Южно-Курильских острова признавались частью Японии [Kim: 149]. Интересно, что многие японские организации предлагали сделать таким днём 3 сентября, так как именно в этот день в 1945 г. была проведена военная оккупация указанных островов. Судзуки отклонил это предложение, исходя из того, что в будущем День «северных территорий» должен был, по его мнению, стать памятной датой японско-советской дружбы [Uda: 64]. Однако в реальности эта дата никаким праздником дружбы не стала, превратившись, по сути, в удобный повод для демонстрации антисоветских настроений. При поддержке властей с начала 1980-х гг. была начата кампания по сбору подписей в поддержку требования о возвращении «северных территорий».

Эта проблема на протяжении нескольких десятилетий создавала японцам чувство психологического комфорта, ведь при оценке итогов Второй мировой войны они ощущали, что их страна была не только агрессором, но и жертвой. Советский Союз воспринимался как экспансионистская держава, нарушившая ею же самой подписанную Атлантическую хартию, согласно которой союзники не стремятся в ходе войны к территориальным приобретениям. Утрата «северных территорий» в этом смысле рассматривалась японцами в одном ряду с «несправедливыми» по отношению к ней действиями союзников, к числу которых они относили в первую очередь «суд победителей» (Токийский трибунал). Показательно, что, критикуя СССР, японцы при этом не винят США за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, т.к., по их мнению, Америка после войны стала «учителем» Японии и обеспечила ей послевоенное процветание.

СССР произвёл насильственное интернирование около 600 тыс. японских военнопленных. Поскольку это произошло уже после опубликования императорского рескрипта об окончании войны, в глазах японцев этот инцидент стал прямым нарушением Потсдамской декларации, в соответствии с которой интернированные должны быть незамедлительно возвращены «к родным очагам». В результате тяжёлых условий содержания около 10 % военнопленных (примерно 60 тыс. чел.) погибли, некоторые были осуждены как военные преступники и содержались в плену вплоть до 1956 г. Репатриация полностью завершилась только к 1958 г.

³ Так в Японии называют четыре Южно-Курильских острова (Кунашир, Итуруп, Шикотан и гряда Хабомай), в отношении которых Япония выдвигала территориальные претензии СССР, а сейчас – России.

Проблема военнопленных в том виде, в каком она подавалась в японских СМИ, оказывала крайне негативное влияние на образ СССР, особенно на начальном этапе холодной войны, когда эта проблема ещё не нашла своего окончательного решения. В первой половине 1950-х гг. в Японии сформировалось мощное общественное мнение, оказывающее давление на правительство в пользу принятия решительных мер. Например, в период подготовки соглашения о нормализации двусторонних отношений газета «Майнити симбун» 14–16 октября 1955 г. провела опрос, по результатам которого выяснилось, что именно проблемы репатриации в ходе переговоров с Москвой в наибольшей степени волновали большинство японцев – об этом заявили 40,9 % респондентов. Когда в 1956 г. переговоры по вопросу репатриации были приостановлены, ту же позицию выразили в ходе проведённого в июне того же года опроса 53,3 % опрошенных – больше, чем доля респондентов, выбравших в качестве наиболее важного для себя вопроса территориальную проблему [Morley: 54].

После возвращения из плена многие репатрианты открыто делились своим лагерным опытом, писали книги и охотно давали многочисленные интервью. В результате детали пребывания в советских лагерях стали достоянием широкой общественности. Во многих произведениях литературы, музыки и кино звучал мотив «жестокости сибирского плена», формировавший представление об СССР у послевоенного поколения японцев. Были созданы Всеяпонский совет организаций семей японских интернированных во главе с Х. Арита, Общенациональный совет по компенсациям интернированным, возглавляемый Р. Сайто, и иные организации военнопленных, которые проводили массовые митинги и формировали петиции, привлекая внимание средств массовой информации, оказывали давление на правительственных чиновников и политических лидеров в парламенте и в правительстве.

В период проведения репатриации большой общественный резонанс вызывала «битва списков» – серьёзные расхождения между длинными перечнями лиц, которые, по мнению японцев, находились в Советском Союзе, и короткими списками тех, кто, по признанию советских должностных лиц, продолжал там оставаться. Многие японцы полагали, что Москва намеренно скрывала истинное число военнопленных с целью затянуть процесс репатриации, т.к. военнопленные представляли собой крайне ценную и квалифицированную рабочую силу. Неприязнь к СССР дополнительно подпитывалась тем, что советские власти проводили активную коммунистическую пропаганду среди военнопленных и пытались использовать репатриантов в качестве своей «пятой колонны» после их возвращения на родину. На этом фоне неудивительно, что даже в период подготовки соглашения о нормализации двусторонних отношений японцы в массе своей не испытывали к СССР тёплых чувств. Например, согласно опросам газеты «Йомиури», проведённым в ноябре 1955 г. и в сентябре 1956 г., своё сочувствие к позиции Советского Союза по проблеме военнопленных выразили не более 5 % граждан [Morley: 55].

Дополнительным фактором формирования негативных представлений об СССР явилось то, что даже после нормализации двусторонних отношений Москва не делала ничего для сохранения могил скончавшихся в плену японцев, в результате чего многие места их захоронений были безвозвратно утрачены. Кроме того, СССР отказывался предоставлять репатриантам справки о нахождении в плену и привлечении к труду во время заключения, что поставило лиц, прошедших советские лагеря, в неравноправное положение по отношению к японцам, прошедшим плен в США или Британской империи и получившим

соответствующие сертификаты, позволявшие им требовать от японского правительства компенсации за свой труд [Катасонова: 61].

Дополнительным фактором, накалявшим атмосферу антисоветизма в Японии, стала гуманитарная составляющая проблемы границы, а именно – вопрос о посещении могил предков переселёнными в Японию бывшими жителями островов. После нормализации отношений в 1956 г. советские власти разрешали японцам групповые посещения могил на Южных Курилах, однако с течением времени требования ужесточались. С 1965 г. для въезда потребовались только специальные удостоверения личности, выданные Министерством иностранных дел Японии, а в 1976 г. – обычный загранпаспорт и виза, что в глазах японской стороны, очевидно, означало официальное признание островов советской территорией. Японское правительство отказалось подчиниться такому порядку [Berton: 1277], в результате эта практика была приостановлена. Лишь в 1986 г. требование было снято, и японцы в августе того же года смогли посетить могилы предков на Хабомаи и Шикотане, а в 1989 г. – на острове Кунашир⁴. В октябре 1991 г. специальным межправительственным соглашением была налажена практика безвизовых обменов. Поскольку японцы считают посещение семейных могил своей священной обязанностью, лишение их этого права воспринимается в Японии как серьёзное ущемление их базовых прав.

Имидж СССР в Японии ухудшал и вопрос рыболовства. После войны СССР перешли акватории в 12-мильной зоне вокруг Сахалина и Курильских островов, где ранее вели промысел японские рыбаки. Ссылаясь на необходимость сохранения рыбопромысловых ресурсов, в 1956 г. советская сторона провозгласила т.н. линию Булганина, которая очерчивала большую акваторию северо-западной части Тихого океана, в пределах которой японский улов должен был быть ограничен до заключения рыболовной конвенции. В 1957 г. советская сторона закрыла для японцев залив Петра Великого, а с 1959 г. – Охотское море. Хотя действия советской стороны с позиций международного права были закономерными, в Японии они подогревали антисоветские настроения. Например, в шести крупнейших городах Японии, где 2–30 марта 1958 г. проводился опрос общественного мнения, 68 % японцев выразили «возмущение» советским запретом на рыбную ловлю в Охотском море. Только 1 % опрошенных был готов признать, что действия СССР оправданы [Morley: 52].

В дальнейшем, когда на повестке дня вставал вопрос о подписании новой рыболовной конвенции, освещение японскими СМИ проблемы рыболовства в двусторонних отношениях с Москвой давало импульс для роста в стране сильных антисоветских настроений. В связи с этим следует отметить, что сами японские рыбопромышленники, в отличие от основной части населения, были настроены на конструктивный лад, понимая, что проявление неуступчивости ударит по их же интересам. Между тем поддержка рыбаков наряду с голосами фермеров всегда была важна для правящей ЛДП для сохранения прочной базы электоральной поддержки [Kim: 147]. Это было одним из факторов в пользу того, что в реальности курс японского правительства в отношении СССР по большинству вопросов двусторонних отношений, причём необязательно связанных с темой рыболовства, был достаточно компромиссным, особенно в период до введения 200-мильной зоны [Kimura: 31].

⁴ 北方四島訪問事業—いわゆるビザ無し訪問 (Хоппо ёнто хомон дзигё – иваюру бидза-наси хомон : [Посещение «северных территорий» – т.н. практика безвизовых визитов]). URL: https://www.spf.org/islandstudies/jp/wp/wp-content/uploads/2016/07/5-2_sample_takai.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

СССР как идеологический противник Японии

После возобновления дипломатических отношений между странами Советский Союз быстро улучшил свой облик в глазах японской общественности своими научно-техническими и культурными достижениями. В 1957 г. СССР запустил первый искусственный спутник Земли, в 1961 г. Гагарин совершил первый в мировой истории пилотируемый полет в космос. В конце 1950-х гг. Москва направила в Японию серию культурных миссий, включая балет Большого театра, оркестр Ленинградской филармонии, а также Московский художественный театр. При этом имел значение и провозглашённый Хрущёвым курс на мирное сосуществование, который позволил СССР отойти от мрачного образа сталинской эпохи, утвердившись в глазах японцев в качестве миролюбивой державы.

Отчасти как реакция на провал милитаристской политики во время войны, основанной на националистической идеологии, в некоторой степени – из-за идеалистического подхода ко внутренней и международной политике, значительная часть японской интеллигенции придерживалась после окончания войны умеренно или даже крайне левых взглядов. Многие профессора японских университетов в 1950–1960-х гг. заявляли, что Япония должна взять на вооружение идеалы социализма. При этом они пытались убедить японский народ в том, что именно Советский Союз – хорошая модель этой идеологии [Uda: 54]. В моду вошло изучение русского языка, в стране массовыми тиражами издавались книги о достижениях Советского Союза в области экономики и социального благосостояния, искусства и культуры, науки и техники. Важную роль играло и успешное развитие в 1960-е гг. японо-советских отношений в экономической сфере. В Японию стали поставляться советский уголь, необходимый для развития металлургии, цветные металлы, лес, морепродукты, что в свою очередь повышало в глазах рядовых японцев значимость хороших отношений с СССР.

Вместе с тем Москва не всегда эффективно использовала открывшиеся для укрепления своего влияния новые возможности. СССР активно пытался использовать два инструмента: левые силы и Коммунистическую партию Японии (КПЯ) в частности, а также т.н. движение «борьбы за мир». Такая стратегия, которая с разной степенью успеха использовалась в различных странах мира, в данном случае оказалась не очень удачной. С момента своего основания в 1922 г. Коммунистическая партия Японии была для Москвы верным агентом влияния, пропагандируя идею о том, что Советский Союз, а позднее и коммунистический Китай – лучшие для Японии образцы демократического прогресса. Однако после войны вышедшая из подполья КПЯ была не очень успешной на парламентских выборах (в период холодной войны она практически никогда не набирала более 5 % голосов) [Morley: 58]. Можно сделать вывод, что при таком уровне электоральной поддержки ей в любом случае не удалось бы убедить сколько-нибудь значительную часть японского общества в необходимости отойти от внешнеполитической ориентации на Америку и выбрать Советский Союз в качестве модели для подражания.

Противоречивость образа СССР в Японии была связана и с тем, что, несмотря на уважение к культурным достижениям и идеологические симпатии, на массовом уровне он продолжал ассоциироваться с несимпатичным обликом «красного» государства, носителя чуждой коммунистической идеологии, которую он стремился распространить в мире в целях «экспорта революции». Следует вспомнить, что в довоенный период зловещий облик СССР

в Японии был связан не столько с социалистической революцией как таковой, сколько с попытками Коминтерна проводить в Японии подрывную деятельность.

Заклучив в 1951 г. союзный договор с Америкой, Япония оказалась с СССР по разные стороны геополитических баррикад. В глазах японцев Советский Союз оставался враждебной в идеологическом отношении страной и после смерти Сталина. Постепенно, по мере снижения остроты и болезненности воспоминаний о войне и роста экономических успехов страны, которые японцы связывали с выбором капиталистического пути развития и внешнеполитической ориентацией на США, ассоциация СССР с коммунистической идеологией становилась для японского общественного мнения наиболее существенным фактором его психологического неприятия. Выражаясь словами Ф. Уда, Советский Союз в имиджевом плане превратился из «чёрного» в «красный», т.е. стал источником в первую очередь не военной, а коммунистической угрозы [Uda: 55]. По мнению Уда, Москва исчерпала «профицит» положительного имиджа (идеологические симпатии, уважение к достижениям и т.д.) и не смогла создать себе в Японии значительного лобби, в то время как старый «дефицит», связанный с негативной памятью о войне, сохранился в Японии в полном объёме [Uda: 55].

Усилиями пропаганды и исторического образования СССР после 1960 г. стал восприниматься в качестве агрессивного государства, в одностороннем порядке нарушившего Пакт о нейтралитете, проявившего вопиющую несправедливость в отношении бывших японских военнослужащих и лишившего Японию её исконных территорий. На этом фоне левые партии стали опасаться, что образ социализма будет отождествляться с мрачным образом СССР, который наносил ущерб их авторитету внутри страны.

В этих условиях прогрессивный лагерь стал отказываться признать лидерство Москвы. Дополнительным раздражителем стали попытки КПСС сохранить опеку над КПЯ, которая вышла из подполья в 1945 г. – японские коммунисты во многом справедливо полагали, что такое покровительство ударит по их популярности в японском обществе. С 1950-х гг. КПЯ взяла курс на демонстративное отдаление от КПСС, а в 1964 г. прервала с ней отношения, открыто выступив против Договора о частичном запрете ядерных испытаний. Межпартийные контакты возобновились только в 1979 г. [Berton: 1268].

Японская компартия заняла среди японских политических движений наиболее неуступчивую позицию по вопросу «северных территорий», выступив с территориальными требованиями к Москве не только в отношении Южных Курил, но и всего Курильского архипелага, а также Южного Сахалина, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору. Проявлениями резких противоречий с советскими коммунистами стал её отказ поддержать обвинения в адрес Пекина в 1960-е гг., критика советских действий в Чехословакии, Афганистане и Польше, а также разногласия по поводу политической тактики внутри самой Японии. В глазах руководства КПСС диссидентство КПЯ, помимо всего прочего, было свидетельством «неблагодарности» японских коммунистов, взращённых и выпестованных Москвой [Stephan: 142]. Трения с КПЯ привели к тому, что у компартии Советского Союза с середины 1960-х гг. отношения были лучше не только с Соцпартией, но и с консервативной и проамериканской Либерально-демократической партией Японии. Показательно, что Москва прекрасно взаимодействовала и с «акулами капитализма» – представителями японского крупного бизнеса, которые видели в СССР не столько

идеологического противника, сколько перспективного и надёжного делового партнёра, заслуживающего наивысшего доверия.

Под лозунгом «борьбы за мир» Москва пыталась укрепить своё влияние и на уровне массовых пацифистских настроений. Большую популярность в послевоенной Японии обрела выдвинутая левыми силами концепция «невооружённого нейтралитета». Распространившиеся там идеи прочного мира, демократического прогресса и защиты независимости были связаны, с одной стороны, с критическим переосмыслением милитаристского прошлого, с другой – с недовольством подчинённым положением Японии в системе Договора безопасности с США.

После начала холодной войны во многих странах были созданы комитеты, призывающие к поддержке всех т.н. «защитников мира». Они особенно привлекали молодёжь, интеллигенцию, женщин, профсоюзных активистов и левых политических лидеров. В Японии левые силы стремились убедить японский народ в том, что Советский Союз является «силой мира» и что для Японии крайне желательно наладить с ним сотрудничество. По всей стране были созданы «Комитеты мира», во главе которых стояли коммунисты, социалисты и беспартийные общественные деятели, а «борьба за мир» стала неотъемлемой частью программ действий большинства массовых организаций. Апеллируя к широко распространённому стремлению к миру во всём мире, лидеры движения проповедовали идею о том, что мир разделён между двумя силами – «силами за мир» (к которым они относили страны социализма и государства, придерживающиеся нейтралитета) и «врагами мира» (то есть капиталистическими государствами Запада, включая Соединённые Штаты и Японию). В этом контексте советская внешняя политика рассматривалась как способствующая «делу мира», а предложенный левыми курс на невооружённый нейтралитет, получавший поддержку Москвы, оценивался как отвечающий национальным интересам Японии.

Поддержка движения «борьбы за мир» теоретически должна была позволить Советскому Союзу избавиться от клейма «агрессивного» государства, стремящегося к мировому господству, каковым в представлении большинства японцев до войны был сталинский СССР. Однако в реальности авторитет СССР как ведущей силы в борьбе за мир был в Японии крайне ограниченным и сохранялся только среди узких групп сторонников левых партий. Этому способствовало то, что ещё было живо поколение японцев, воспитанных на идеях «красной опасности». Кроме того, поводы для сомнений в приверженности СССР делу мира давала и внешняя политика СССР, официально направленная на защиту завоеваний социализма и отпор «проискам империализма». В начале 1960-х гг. японцы находились под сильным впечатлением от событий, связанных с подавлением антикоммунистического мятежа в Венгрии 1956 г., а также с Берлинским (1961) и Карибским (1962) кризисами, поставившими мир на грань мировой войны. Несмотря на все усилия СССР, лишь около 3 % японцев считали его страной, действительно работавшей на дело мира [Morley: 57]. По опросам 1961 г., доля тех, кто считал, что из всех стран именно СССР может начать войну, в пять раз превысила число респондентов, назвавших США⁵.

⁵ В ходе опроса общественного мнения, проведённого в Токио газетой «Токио симбун» 23–24 сентября 1961 г., был задан вопрос: «Если Соединённые Штаты или Советский Союз начнут войну, кто, по вашему мнению, сделает первый шаг?». Большинство респондентов выбрали ответ «не знаю», однако 32,9 % ответили, что это будет СССР, тогда как 6,7 % назвали США [Morley: 57].

С начала 1980-х гг. усиление имиджа СССР как «страны-агрессора» было связано с новым витком холодной войны, который начался после ввода советских войск в Афганистан [Berton: 1273]. После начала вторжения палата представителей японского парламента приняла резолюцию с требованием вывести вооружённые силы Советского Союза с территории суверенного государства. С СССР был немедленно прекращён обмен высокопоставленными чиновниками, приостановлены банковские кредиты для новых контрактов и проектов, запрещён экспорт высоких технологий. Правительство прекратило продвигать Соглашение о культурном обмене с Советским Союзом и отозвало приглашение советского министра культуры. Кроме того, Япония присоединилась к бойкоту летних Олимпийских игр 1980 г., которые проходили в Москве. Показательно, что эта политика не встретила оппозиции в стране, а японские СМИ, неизменно отличавшиеся критическим отношением к действиям правительства, на этот раз никаких возражений не выразили.

Советское военное строительство на Дальнем Востоке и неприятные инциденты холодной войны

Негативный образ СССР в японском обществе ещё больше усиливался в связи с советским военным строительством на Дальнем Востоке. Несмотря на пацифистский статус Японии, Союз воспринимал эту страну, связанную Договором безопасности с США и предоставляющую свою территорию для американских военных баз, в качестве потенциального военного противника. Кроме того, в послевоенном СССР по-прежнему сохранялось чувство тревоги из-за возможности возрождения японского милитаризма. Так, Советский Союз не подписал Сан-Францисский договор, в частности потому, что в его тексте отсутствовали внятные и жёсткие ограничения военного строительства в Японии. Кстати, в советской прессе критика японо-американского союза была приглушённой – за этим стояла оценка Договора безопасности как инструмента сдерживания милитаристских амбиций Японии.

С 1958 г., когда в США шли переговоры о новой редакции Договора безопасности, Москва предупреждала Японию о том, что размещение ядерного оружия на её территории будет «угрожать миру и безопасности на Дальнем Востоке» [Morley: 57]. Иными словами, согласие на складирование ядерных боеприпасов на американских военных базах в глазах Москвы немедленно превратило бы Японию в объект советского потенциала сдерживания. Давление на неё наряду с мерами СССР по укреплению своего оборонного потенциала на Дальнем Востоке, особенно в 1960–1970-х гг., когда усилилась конфронтация на советско-китайской границе, привело к возникновению у японцев ощущения советской военной угрозы. Советский Союз неизменно позиционировался как единственная такая опасность, а в опросах общественного мнения он продолжал возглавлять рейтинг «наименее популярных стран» [Simon: 133]. Особенно быстро алармистские настроения в стране стали расти после 1978 г., когда на Южных Курилах была размещена 10-тысячная советская группировка войск [Menon: 340]. Сильное раздражение в Японии вызвало то, что в октябре 1985 г. на острове Итуруп, являющемся объектом японских территориальных требований, было начато размещение крылатых ракет наземного базирования, способных нести ядерное оружие [Clark: 148].

Крайне болезненно воспринималось в Японии решение советского руководства о передислокации ракет средней дальности СС-20 из Европы в Сибирь и на Дальний Восток. О том, что СССР рассматривает возможность их перемещения в Восточную Азию, 11 января 1983 г. заявил генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов в ходе переговоров с лидером западногерманской оппозиции. МИД Японии выразил советскому правительству протест против планов передислокации ракет и их нацеливания на Японию [Uda: 45].

В Токио, безусловно, понимали, что советский военный потенциал на Дальнем Востоке направлен в первую очередь против США и Китая, а не Японии. Но осознавали японцы и то, что в случае военного конфликта между сверхдержавами их страна, связанная Договором безопасности с США, не сможет «прикрыться» мирной конституцией и однозначно станет объектом нападения со стороны СССР, с учётом не только расположенных на её территории американских военных баз, но и стратегического положения страны и её способности эффективно перекрыть морские коммуникации для советского Тихоокеанского флота.

Отрицательный образ СССР активно усугублялся проправительственными японскими СМИ. В ежегодных докладах министерств и ведомств Японии за 1980 г., включая «Голубую книгу по дипломатии» и «Белую книгу по обороне», особый акцент делался на наличии советской военной угрозы и мерах по её преодолению. Именно в первой половине 1980-х гг. в японской публицистике появилось огромное количество материалов, посвящённых потенциальному вторжению СССР на Хоккайдо. Благодаря этому произошёл своего рода качественный поворот: если раньше экспертов, общественных и политических деятелей, которые участвовали в публичном обсуждении вопросов обороны и военной безопасности, называли «ультраправыми» или даже «милитаристами», то в начале 1980-х гг. общественное мнение стало относиться к этим деятелям с пониманием и даже сочувствием. За этим стояло существенное усиление враждебных настроений в японском обществе по отношению к СССР. Например, опрос общественного мнения, проведённый газетой «Йомиури» в январе 1980 г., показал, что только 3 % населения согласны с мнением, что для Японии было бы лучше сотрудничать с СССР, по сравнению с 45 % тех, кто одобрил партнёрство с США, и 34 % – с КНР [Kim: 148].

Негативные эмоции в отношении Советского Союза подогревались также рядом инцидентов в двусторонних отношениях, явившихся порождением холодной войны. Эти эпизоды, возможно, были незначительными в мировой политике, однако, привлекая широкое общественное внимание благодаря репортажам японских СМИ, укрепляли негативный образ СССР, соответствуя уже существующим стереотипам.

На протяжении нескольких десятилетий СССР продолжал осуществлять разведывательную деятельность в акваториях и воздушном пространстве вокруг Японии. Советские самолёты-разведчики приближались к японским границам, а иногда и нарушали их. Это происходило не по причине специфического антияпонского настроения или особой «антияпонской» государственной политики Москвы, а в логике холодной войны, где имело место военное противостояние двух блоков, в рамках которого Япония была геополитическим и потенциальным военным противником СССР.

Недоверие к СССР подогревали инциденты с советской военной техникой. В июне 1980 г. самолёт-разведчик Ту-16, совершая фотосъёмку, приблизился к транспортному судну японских Сил самообороны на чересчур малой высоте, задел крылом водную поверхность и упал в Японское море. Примерно два месяца спустя близ Окинавы произошёл пожар на

советской атомной подводной лодке, в результате чего погибли девять членов экипажа, трое получили ранения⁶. Команда отказалась от помощи японских спасателей, ожидая отечественной миссии. При этом, как сообщалось, несколько советских военных кораблей прибыли на место происшествия за удивительно короткое время и отбуксировали подводную лодку через территориальные воды Японии, игнорируя протесты японцев [Uda: 49]. Москва отказалась отвечать на запрос Токио о том, произошла ли утечка радиоактивных веществ с лодки, в связи с чем японцам пришлось проводить собственные замеры радиационного фона⁷.

Свой вклад в атмосферу холодной войны внесло «дело Беленко». Летом 1976 г. новейший советский истребитель МиГ-25 был угнан с Сахалина и приземлился на Хоккайдо, а его пилот Виктор Беленко попросил политического убежища в Соединённых Штатах. Продемонстрировав, что советская авиация может вторгнуться в воздушное пространство Японии без каких-либо препятствий, этот инцидент вызвал там сильную озабоченность. Поскольку Токио отказался депортировать пилота, а самолёт был детально исследован американскими специалистами и возвращён СССР с большой задержкой, Москва выступила в адрес японского правительства с резкими обвинениями, что в свою очередь спровоцировало рост в Японии антисоветских настроений.

Другим раздражителем были время от времени вспыхивавшие в Японии «шпионские скандалы». Например, в начале 1980 г., сразу после вторжения Советского Союза в Афганистан, отставной генерал Миянага и два действующих офицера Сил самообороны были арестованы по подозрению в шпионаже⁸ на основании доказанной передачи секретных документов советскому военному атташе.

Более крупным инцидентом стало «дело Левченко». В 1979 г. майор КГБ Станислав Левченко «перебежал» в Америку из Японии, где работал под прикрытием статуса корреспондента советского политического журнала. Он дал показания на слушаниях в Палате представителей США (постоянный комитет по делам разведки) и сообщил, в частности, что среди японских государственных деятелей, правительственных чиновников, журналистов имеется более 200 агентов КГБ. Показания Левченко были опубликованы в декабре 1982 г. и вызвали в Японии огромный общественный резонанс [Uda: 44].

Трагедия рейса KAL007 стала ещё одним неприятным эпизодом холодной войны. В сентябре 1983 г. над водами, прилегающими к Японии, советским истребителем был сбит корейский авиалайнер, совершавший полёт из Анкориджа в Сеул, в результате чего погибли 269 человек, в том числе 28 граждан Японии. В японских медиа звучала критика в адрес СССР по поводу того, что его силами был уничтожен невооружённый коммерческий авиалайнер без достаточных на то оснований и необходимого предупреждения. Кроме того, японцы были разочарованы реакцией Москвы, которая хранила долгое молчание

⁶ ソ連原潜が火災 沖縄東方沖を航行中 (Сорэн гэнсэн-га касай. Окинава тохо оки-о кокотю : [Пожар на советской подводной лодке, проплывавшей к востоку от Окинавы]). URL: <https://nordot.app/801587032389255168> (дата обращения: 15.05.2022).

⁷ ソ連原子力潜水艦の火災事故に伴う放射能調査について (Сорэн гэнсирёку сэнсуйкан – но касай дзико – ни томонау хосяно тэса-ни цуйтэ : [О результатах обследования радиационной обстановки в связи с пожаром на советской подводной лодке]). URL: <http://www.aec.go.jp/jicst/NC/about/ugoki/geppou/V25/N08/198008V25N08.html> (дата обращения: 15.05.2022).

⁸ 宮永スパイ事件 (Миянага супай дзикэн : [Шпионское дело Миянаги]). URL: <https://rekisi.info/miyanaga.html> (дата обращения: 15.05.2022).

и предоставляла обрывочную информацию, прежде чем признала факт умышленного уничтожения самолёта. И хотя реакция японского правительства была достаточно умеренной и заключалась в двухнедельной отмене регулярных коммерческих рейсов между Токио и Москвой, данный инцидент, мягко говоря, не способствовал популярности СССР в Стране восходящего солнца.

Широко освещался в Японии инцидент с незаконной продажей Советскому Союзу станков с числовым программным управлением (ЧПУ) японской корпорацией Toshiba и норвежской компанией Kongsberg. Сделку удалось осуществить в обход Координационного комитета по экспортному контролю, т.н. CoCom (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls), запрещавшего экспорт в страны Восточного блока «чувствительной» продукции. Проданное оборудование использовалось Советским Союзом в атомной и тяжёлой промышленности, а также для изготовления судовых винтов с высокой точностью, которые делали подводные лодки практически невидимыми для американских эхолотов. В 1987 г., когда дело вышло на поверхность и виновные были наказаны, инцидент вызвал в Японии шквал критики по поводу уязвимости системы защиты разработанных в Японии промышленных технологий двойного назначения.

На череду событий, связанных с двусторонними отношениями в контексте холодной войны, налагалось невидимое воздействие «плохих новостей» из СССР. В Японии не оставалось незамеченным, что успехи «реального социализма» в их интерпретации японскими СМИ находились в противоречии с пропагандистскими штампами, тиражируемыми японоязычными советскими журналами и передачами московского радио, ориентированными на японскую аудиторию. Речь шла о медицине, уровне жизни и иных аспектах национального благосостояния, где наметилось серьёзное отставание СССР от развитых капиталистических стран, а также о различных авариях и инцидентах, подрывающих имидж СССР как передовой научно-технической державы. Сильное воздействие на японцев произвела информация японских СМИ о реальных масштабах аварии на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. Хуже всего было воспринято то, что СССР транслировал во внешний мир сильно приукрашенную информацию о катастрофе, особенно на первом этапе операции по ликвидации её последствий.

Заключение

Таким образом, негативное отношение к современной России в японском общественном мнении имеет чётко выраженную историческую подоплёку. В условиях идеологического противостояния Японии и СССР в период холодной войны происходила передача травматического опыта и стереотипов от поколения к поколению. В рамках такой парадигмы Советский Союз оставался для Японии «источником всевозможных бед».

К тому же в Стране восходящего солнца не сложилось сильных лоббистских групп в пользу отношений с СССР, так как он занимал относительно низкое положение в шкале внешнеполитических и экономических приоритетов Токио. Торгово-экономические отношения с СССР были в основном ограничены вопросами обеспечения ресурсами растущей японской экономики. Торговля с Советским Союзом была незначительной в общем товарообороте Японии, составляя не более 2 %. При этом если в 1960–1970-е гг. наблюдалась огромная зависимость Японии от импорта российского сырья, то с начала 1980-х гг. экономические

интересы стали второстепенными по отношению к политическим вопросам. Этот сдвиг в японской политике произошёл не только из-за роста международной напряжённости, но и из-за снижения потребностей Японии в российских ресурсах, и прежде всего в результате внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий после нефтяных кризисов 1970-х гг.

На этом фоне в Токио не без оснований считали, что «демонизация» северного соседа внутри страны не мешает торговым связям хотя бы в силу того, что СССР был заинтересован в торговых контактах не менее самой Японии. Создавался своего рода порочный круг: обличая Советский Союз, политики гарантированно получали дополнительные кредиты в глазах собственных избирателей без риска ущемить собственные национальные интересы, а это в свою очередь создавало новый внутривнутриполитический спрос на «советскую военную угрозу».

В результате образ СССР оставался в Японии неизменно мрачным на протяжении всего периода холодной войны. Антисоветски настроенное японское общественное мнение воспринимало северного соседа с чувством враждебности как по идеологическим причинам, так и в силу устойчивой негативной исторической памяти об «угрозе с Севера». Лишь крайне ограниченная доля японцев, чьи непосредственные экономические или личные семейные интересы были связаны с рыболовством, торговлей или иными деловыми отношениями с СССР, рассматривали его как рационального партнёра, а потому его имидж не поддавался сильному воздействию антисоветской пропаганды. Но для подавляющего большинства японцев советская идеология оставалась враждебной, а его поведение на мировой арене представлялось агрессивным и даже пугающим. Стойкие стереотипы холодной войны перекечевали в постбиполярную эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Катасонова Е.Л. Япония выполнила исторический долг // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 12. С. 59–66.

Чугров С.В. Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2016. 56 с.

REFERENCES

Chugrov S.V. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii: Rabochaya tetrad' 33* [The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia: Working Paper 33], The Russian Council for International Affairs (RIAC), Moscow: *Spetskniga*. 56 p. (In Russian).

Katasonova E.L. (2010). *Yaponiya vpolnila istoricheskii dolg* [Japan has fulfilled its historical duty]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [*World Economy and International Relations*], 12: 59–66. (In Russian).

Berton P. (1986). Soviet-Japanese Relations: Perceptions, Goals, Interactions. *Asian Survey*, 26(12): 1259–1283.

Clark S. (1987). Soviet Policy toward Japan. *Proceedings of the Academy of Political Science*, 36 (4), Soviet Foreign Policy: 132–150.

Kim E. (1992). The territorial dispute between Moscow and Tokyo: a historical perspective. *Asian Perspective*, 16(2): 141–154.

Kimura H. (1988). Japan's Relations with the Soviet Union. *Harvard International Review*, 10 (4): 30–33. URL: <https://www.jstor.org/stable/42760936> (accessed: 15.05.2022).

Menon R. (1983). The Soviet Union in East Asia. *Current History*, vol. 82, no. 486: 313–317, 339–343. URL: <https://www.jstor.org/stable/45315197> (accessed: 02.03.2022).

Morley J. (1962). Japan's Image of the Soviet Union 1952–61. *Pacific Affairs*, vol. 35, no. 1: 51–58. URL: <https://www.jstor.org/stable/2752711> (accessed: 02.03.2022).

Simon S. (1974). The Japan-China-USSR Triangle. *Pacific Affairs*, vol. 47, no. 2: 125–138. URL: <https://www.jstor.org/stable/2755603> (accessed: 02.03.2022).

Stephan J. (1982). Soviet Approaches to Japan: Images Behind the Policies. *Asian Perspective*, vol. 6, no. 2: 132–150.

Uda F. (1984). Policy and Public Image in Japanese-Soviet Relations: Diplomatic Strains and Declining Popularity. *Journal of Northeast Asian Studies*, 3 : 43–65.

Поступила в редакцию: 02.06.2022

Финальная версия: 04.06.2022

Принята к публикации: 08.06.2022

Received: 2 June 2022

Final version: 4 June 2022

Accepted: 8 June 2022